

УДК 81'373

СЕГМЕНТАЦИЯ ПАРЕМИЙ В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (когнитивно-прагматический анализ)

Н.А.Калёнова

SEGMENTATION OF PROVERBS IN THE PERSONAL DOCUMENTS AND MEMOIRS (cognitive and pragmatic analysis)

N.A.Kalenova

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет, nakalyon2011@gmail.com

В статье представлены результаты когнитивно-прагматического анализа приёма сегментации паремий в источниках личного происхождения. Сегментация позволяет автору одним или несколькими компонентами объективировать всю когнитивную структуру, стоящую за паремией.

Ключевые слова: сегментация, паремиология, источники личного происхождения, когнитивный и когнитивно-прагматический анализ

The paper presents the findings of cognitive and pragmatic analysis of proverb segmentation as a rhetorical method in personal documents, such as correspondence, memoirs, notes, etc. Segmentation allows the author with the help of one or more components to build up a picture of the whole proverb.

Keywords: segmentation, paremiology, personal documents and memoirs, cognitive and cognitive-pragmatic analysis

Источники личного происхождения (ИЛП) — богатый материал для исследования специфических речевых свойств единиц языка. Письма, воспоминания, записки, записи и др. источники интересны

в рамках антропоцентрической парадигмы как результаты относительно неподготовленной речемыслительной деятельности языковой личности. Паремии как знаки косвенно-производной номинации, аккумуля-

лирующие многовековые наблюдения и опыт народа, отражающие культуру, образ мышления, являются, образно говоря, ёмкими «заготовками» для объективации целого комплекса мыслительных структур. ИЛП может включать паремию в том виде, в котором она зафиксирована в словаре, однако в когнитивно-прагматическом аспекте наибольший интерес представляют случаи преобразования единицы, характер которого обусловлен самой языковой личностью автора, а также коммуникативно-прагматическими координатами создаваемого дискурса. В данной статье представим результаты когнитивно-прагматического исследования такого приёма преобразования знаков косвенно-производной номинации, как сегментация.

В «Записках о Пушкине» И.Пуцин, например, преобразует знак косвенно-производной номинации приёмом сегментирования: (1) *«В продолжение всей речи ни разу не было упомянуто о государе: это небывалое дело так поразило и понравилось императору Александру, что он тотчас прислал Куницыну Владимирский крест — награда, лестная для молодого человека, только что возвратившегося перед открытием Лицея из-за границы, куда он был послан по окончании курса в Педагогическом институте, и назначенного в Лицей на политическую кафедру. Куницын вполне оправдал внимание царя — он был один между нашими профессорами **урод** в этой семье»* [1]. Зафиксированы две единицы с выделенными компонентами: паремия **В хлебе не без ухвостья, а в семье не без урода**, а также фразеологическая единица (ФЕ) **в семье не без урода**, генетически связанная с когнитивно-семантической структурой паремии, образованная от неё усечением.

В когнитивно-прагматическом аспекте сегментирование как приём преобразования единицы не прямой номинации представляет собой результат вычленения таких компонентов единицы, которые обеспечивают «узнавание» всей когнитивно-семантической структуры единицы. Предположим, вычленен только один компонент фразеологической и / или паремической единицы: (1*) *«Куницын вполне оправдал внимание царя — он был один между нашими профессорами **урод** в этом окружении / обществе»*. Сконструированное предложение демонстрирует, что механизм функционирования когнитивно-семантической структуры знака не прямой номинации в данном случае должен быть обеспечен декодированием одного из компонентов. Небольшой эксперимент, в котором принимало участие 30 человек, не имеющих филологического образования, дал интересные результаты.

Во-первых, испытуемым предъявляли изолированное от текста сконструированное предложение с просьбой пояснить его смысл. Лишь около 24% испытуемых предположили в своих рассуждениях связь компонента с фразеологической единицей **в семье не без урода**. Безусловно, результаты эксперимента обеспечены слишком малым масштабом исследовательского материала, но могут дать пищу для размышления. Следует также учитывать синхронические изменения в структуре языковой личности, обусловленные изменениями и в обществе, и в языке. Но в

аспекте когнитивно-прагматического анализа актуален не столько даже результат декодирования, сколько его процесс. Во-вторых, среди испытуемых, которые обнаружили сегментацию знака косвенно-производной номинации, большинство имело высшее образование, это были люди старшего поколения, от 50 лет. В-третьих, в размышлениях о смысле предложения можно выявить также ещё одну тенденцию, которая в интерпретированном виде может быть представлена так: лексема **урод** используется не в прямом смысле, а как **белая ворона**, в значении *‘Отличающийся от других’*, что продуцируется семантикой лексемы **один**, и это хорошо: «Почему хорошо? Потому что оправдал внимание царя». То есть эмотивно-оценочная семантика лексемы **урод** продуцируется эмотивно-оценочной семантикой лексемы **оправдал**. Подобные рассуждения звучали от около 15% испытуемых. В-четвертых, около 60% респондентов испытывали затруднения при пояснении смысла предложения. При этом лексема **урод** воспринималась в прямом своём значении. Некоторые испытуемые объясняли неудачу декодирования предположением о том, что предложение «написано очень давно, а в старину вообще непонятно говорили». Или «может, слово **урод** что-то другое значило, а не то, что сейчас», в чём проявилась попытка найти те когнитивно-семантические связи единицы, которые были искусственно замаскированы.

Итак, преобразованные паремические единицы в источниках личного происхождения являются результатом сложнейшей речемыслительной деятельности. Прежде всего, в концептосфере автора ИЛП формируется поле «информационных сгущений» [2], подлежащих объективации. Естественное стремление языковой личности к экономии речевых усилий реализуется в поиске наиболее эффективных языковых единиц. Эффективность в данном случае следует рассматривать с позиций поставленных перед автором ИЛП задач, а именно: 1) передать максимально адекватно весь комплекс «информационных сгущений», подлежащих объективации; 2) воздействовать на адресанта (если это не автокоммуникация), сформировать в его концептосфере определённые «информационные сгущения». Иначе говоря, необходимы такие языковые единицы, которые способны эффективно транслировать «запланированные» «информационные сгущения» из концептосферы адресанта в концептосферу адресата. Сегментирование выступает таким приёмом, в котором вычленённые из формальной структуры компоненты «несут» на себе весь объём информации, закреплённой за паремической или фразеологической единицей.

Анализируя пример (1) и результаты эксперимента, можно предположить, что один компонент, вычленённый из формальной структуры паремии, не может полноценно объективировать когнитивную структуру единицы. Однако материал показывает и другое: (2) *«Получил в четверг 1-ю половину жалованья — 175 р. (165 р. 25 к. за вычетом пайка), а вчера подъемные 350 р. Не верю в эту птичку-синичку, а все же она пока в руках»* (Меньшиков М.О. Дневник 1918 г., 19 / 1 июня 1918 г.) [3]. Сегментация паремии

Лучше синица в руках, чем журавль в небе компонентами **синичка** и **в руках** приводит к актуализации экспрессивных сем.

Описанным экспериментальным процедурам подвергается речение, сконструированное на базе анализируемого фрагмента воспоминаний: (2а*) «*Получил в четверг 1-ю половину жалования — 175 р. (165 р. 25 к. за вычетом пайка), а вчера подъемные 350 р. Не верю в эту птичку-синичку*». Абсолютное большинство испытуемых верно декодировало смысл речения, при этом компонент (птичку-)синичку «вытягивает» в сознании всю когнитивно-семантическую структуру паремии. Более того, гипотеза о том, что компонент **синичка** справится с задачей объективации всего объема информации, передаваемого паремией, и в менее распространенном контексте, была проверена в следующем речении: (2б*) «*Не верю в эту птичку-синичку*». Интересно, что испытуемые (другая группа, не участвующая в эксперименте ранее, то есть не декодировавшая речение 2а*) также без затруднений связали компонент с паремией и на основании этого верно декодировали смысл речения.

Таким образом, когнитивные механизмы сегментации как приёма преобразования паремии в ИЛП обеспечивают как процесс кодирования, так и процесс декодирования информации. Компоненты, вычлененные для вербального воплощения когнитивно-семантической структуры паремии, транслируют информацию в том объеме, в каком воспринимающий субъект способен её декодировать. Процесс декодирования информации по сегменту зависит от многих факторов, изучение которых, особенно экспериментальное, позволит ответить на вопросы о природе и свойствах речемыслительных механизмов.

Сегментация — это не просто использование компонентов паремического знака, её когнитивные механизмы «вытягивают» в сознании воспринимающего субъекта когнитивно-семантическую структуру паремии. Паремия **За морем телушка — полушка, да рубль перевоз / перевозу** практически не известна современным носителям языка (по данным нашего эксперимента), хотя её смысл успешно декодируется, несмотря на то, что испытуемые затруднялись распознать значение лексемы **полушка**, предполагая, что это «половина рубля», опираясь на соседство с лексемой **рубль**. В письме С.А. Есенина 1915 года читаем: (3) «*За всех нас дадут по полушке, только б не ходили и не дрались, как телушки*» (С.А. Есенин А.А. Добровольскому, 11 мая 1915 г., Константиново) [4]. Компоненты **полушка** — «Мелкая медная монета в дореволюционной России достоинством в четверть копейки» — и **телушка** — «Уменьшительно-ласкательное к **тёлка**» — используются как свободносинтаксические лексемы. В данном случае приём сегментации не применяется. На когнитивном уровне лексемы объективируют отдельные когнитивные структуры, если и связанные, то ассоциативными, образными нитями.

При сегментации преобразованию подвергается формальная структура паремии. Иначе говоря, вычлененные компоненты становятся тем средством, которое объективирует всю информацию, которая

закреплена в сознании за паремией. Кстати, в ходе эксперимента обнаружилось, что при чтении речения, содержащего сегмент / сегменты паремии, сначала воспроизводится вся пословица (производится попытка восстановить сначала саму пословицу в её целом виде), а затем поясняется её значение. Повторимся, масштабы эксперимента не позволяют делать глобальные выводы, однако демонстрируют интересные результаты, наталкивающие на дальнейшие размышления.

Итак, речь шла о сегментации, при которой преобразованию подвергается формальная структура паремии. Наш материал фиксирует случаи, когда преобразованию подвергается вся когнитивно-семантическая структура единицы. Например, знания о том, что водоплавающие птицы не намокают, отражены в когнитивной структуре знака косвенно-производной номинации **как с гуся вода** в значении «Разг. Экспрес. 1. кому. Совершенно безразлично, никак не действует на кого-либо. 2. с кого. Легко, быстро, бесследно исчезает, забывается и т. п. что-либо кем-либо», а фразеологическая единица восходит к генетическому курсу национальной русской традиции. В старину знахарки обливали заболевшее дитя специальной, заговорённой водой и приговаривали: «**С гуся вода, с (имя) худоба / хвороба**». Перья водоплавающих птиц покрыты специальной жирной смазкой, которую выделяет железа, находящаяся на спине у корня хвоста. Фразеологическая единица **мокрая курица** — «Разг. Пренебр. 1. Безвольный, бесхарактерный человек. 2. Человек, имеющий жалкий вид, подавленный чем-либо, растерянный» — также в основе когнитивной структуры имеет знание о свойствах покрова птиц. Когнитивный перенос осуществляется ассоциативно-образным механизмом, который фиксирует представление носителей лингвокультуры, о том, как выглядит курица, если её намочить. Этот образ соотносится с видом человека бесхарактерного, особенно в ситуации, когда требуется проявить решительность, например. Результат этого когнитивного процесса, а вернее, его повторяемость / воспроизводимость, легли в основу будущей семантики косвенно-производного знака.

Вырванное из контекста, речение (3а*) «**Ни лебедя, ни гуся вода не мочит**» объективирует информацию о свойствах покрова водоплавающих птиц. Это подтверждают и результаты эксперимента. Предъявленное испытуемым, оно успешно декодируется именно так. Например: «*Ну, не промокают гуси и лебеди, у них перья такие, что вода соскальзывает*» или «*Может, примета какая-нибудь, но вообще у этих птиц такие перья, что вода не проходит. Только почему только у лебедя и гуся, у утки ещё не мочит...*». Как видим, никакого второго плана за вербальным комплексом не обнаруживается.

Тот же вербальный комплекс предъявляется в контексте двум группам: 1) той, которая уже декодировала речение 3а*, и 2) той, которая его не декодировала: (3б*) «*Не боюсь я этой мариегофской твари и их подлости нисколько. Ни лебедя, ни гуся вода не мочит*» (Письмо С.А. Есенина М.И. Лившиц, 20 октября 1924 г., Тифлис) [5]. В первой группе, как пра-

вило, реакция обнаруживала соотнесение первого и второго планов, например: «А! Вон оно что! Это не про лебедей и гусей! Это типа как лебедя вода не мочит, так и ему на подлость всё равно». Кроме того, озвучивалась связь этого вербального комплекса с ФЕ *как с гуся вода*, при этом не было ответов, связывающих ни анализируемый вербальный комплекс, ни фразеологическую единицу с устойчивой формулой «С гуся вода, с (имя) худоба / хвороба». Во второй группе также соотнесение первого и второго планов обнаруживалось успешно, так же выявлялась связь компонентов (и когнитивного образования, возникшего в сознании?) с ФЕ. На наш взгляд, в данном случае преобразования касаются не только и не столько формальной структуры ФЕ и устойчивой формулы заговора, преобразования гораздо глубже, затрагивают когнитивный уровень знаков не прямой номинации.

Подводя итог, отметим, что сегментация, как и любой иной приём преобразования вербального знака, в координатах семантики обнаруживает речевые свойства языковых единиц, но этот приём имеет глубокие когнитивно-прагматические корни. Когнитивно-прагматический анализ сегментации паремий в ИЛП способен выявить механизмы мыслительной деятельности, обеспечивающие трансляцию информации от автора к адресату.

1. Пушкин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 36.
2. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: юбилейный сб. науч. тр. к 65-летию Н.Ф.Алефиренко. М.: Флинта, 2011. С. 21.
3. Меньшиков М.О. Материалы к биографии // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1993. Вып. 4. С. 130.
4. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. М., 1995—2002. Т. 6. Письма. 1999. С. 70.
5. Там же, с. 181.

References

1. Pushchin I.I. Zapiski o Pushkine. Pisma [Notes on Pushkin. Letters]. Moscow, 1988, p. 36.
2. Alefirenko N.F. Kognitivno-pragmaticheskaja subparadigma nauki o jazyke [Cognitive and pragmatic subparadigm in linguistics]. Kognitivno-pragmaticheskie vektory sovremennogo jazykoznanija: jubilejnyj sb. nauch. tr. k 65-letiju prof. N. F. Alefirenko [Cognitive and pragmatic vectors of modern linguistics: coll. papers to the 65th anniversary of prof. N.F. Alefirenko.]. Moscow: Flinta, 2011, p. 21.
3. Menshikov M.O. Materialy k biografii [The biography]. Rossijskij arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII—XX vv [Russian archives: history of the motherland in the testimonies and documents of the XVIIIth - XXth centuries]. Moscow, 1993, Vol. 4, p. 130.
4. Esenin S.A. Polnoe sobranie sochinenij: v 7 t. [The complete works in 7 vol]. Vol. 6. Moscow, 1999, p. 70.
5. Ibid., p.181.